

Е.Ю. Талалаева

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГРАНИЦЫ ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА И М. ХАЙДЕГГЕРА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00123
«Язык и мир в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера: философско-компаративный анализ».*

В исследовании реконструируются подходы к решению онтологической проблемы границы языка и мира в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера. Компаративный анализ ключевых положений философских воззрений обоих мыслителей на природу соотношения языка, мира и мистической сферы жизни человека позволил установить основной способ преодоления границы обыденного языка, осуществляющийся через «показывание» при помощи молчания в философии раннего Витгенштейна или поэтического языка у позднего Хайдеггера.

Ключевые слова: Витгенштейн; Хайдеггер; язык; мир; молчание; граница языка; мышление; поэзия; сказ.

Следствием лингвистического поворота, ставшего переломным событием в философской науке прошлого столетия, явилась постановка принципиально новых проблем в области языкознания. В частности, свою актуальность и в наше время сохраняет поиск путей решения вопроса о правомерности установления границы языка и поиска возможностей её преодоления.

Данная тема стала одним из ключевых аспектов современных дискуссий среди западнофилософских академических кругов, обращающих свои научные устремления в область философии языка. В этой связи наибольший интерес вызывает анализ представленной проблемы в рамках двух ведущих западноевропейских философских традиций: аналитической и феноменолого-герменевтической. Для этого наиболее продуктивным представляется сопоставление идей Людвиг Витгенштейна и Мартина Хайдеггера как наиболее ярких и влиятельных мыслителей данных традиций. Несмотря на очевидные существенные различия в их философских программах, весьма показательно, что В.В. Библихин представил Витгенштейна и Хайдеггера как «действующих непохожим до почти полной противоположности образом, как движения правой и левой руки бывают до противоположности непохожими именно тогда, когда они делают одно и то же дело» [1. С. 145].

Исходя из данного суждения российского исследователя, отчетливо иллюстрирующего схожий по своей значимости вклад Витгенштейна и Хайдеггера в философию языка, мы предполагаем, что оба мыслителя сформулировали аналогичные философские установки о соотношении между языком, бытием и миром, несмотря на то, что они принадлежали к разным философским традициям. Особо следует отметить, что подходы этих философов к исследованию природы языка находят много общего на противоположных этапах философствования. В подтверждение последнему тезису можно привести суждение Р. Рорти, изложенное в его исследовании о гипостазировании языка: «...эти два философа встретились на половине пути, направляясь в разные стороны» [2. С. 122].

Таким образом, прагматический и во многом социально ориентированный подход раннего Хайдегге-

ра во многом согласуется с представлениями о деятельности природы языка позднего Витгенштейна, тогда как двойственное восприятие мира ранним Витгенштейном, различающим фактуальный мир и область, где обретаются мистические сущности, находит любопытную параллель с дуалистическим видением мира поздним Хайдеггером, связывающим воедино понятия «мир» и «земля». Следовательно, обращаясь к интеллектуальному наследию Витгенштейна на раннем этапе его творческой деятельности и поздним суждениям. Хайдеггера после *поворота* в его философствовании, можно сконструировать подход к решению проблемы преодоления границы языка.

Витгенштейн: молчание за границей языка и мира

Языковая проблематика красной нитью пронизывает всю философию Витгенштейна. На разных этапах своей интеллектуальной деятельности философ акцентировал научный интерес на различных аспектах соотношения языка и мира, постепенно трансформируя собственные представления о природе этой взаимосвязи. Уже в начале своего философского пути Витгенштейн поставил вопрос о возможности репрезентации мира в языке. Из рукописей *Дневников* (1914–1916) [3], претворяющих создание раннего фундаментального труда Витгенштейна – *Логико-философского трактата* [4], становится очевидным, что основополагающая идея австрийского философа заключается в положении, согласно которому структура мира проецируется в логической структуре языка. Данная возможность осуществляется благодаря тому, что язык и мир разделяют общую для них логическую форму.

Подобная репрезентация мира на языке открывает перспективу для конструирования картины реального положения дел в мире при помощи предложений, в своей совокупности составляющих язык в целом. В этом отношении Витгенштейн наделял предложения особым онтологическим значением, выраженным метафорой «логические строительные леса» картины мира [Там же. С. 18]. При этом философ существенно ограничил изобразительный горизонт языковых средств условием, что на языке могут быть отображе-

ны лишь *факты*. В своей основе такая позиция располагала суждением, что мир определяется фактами и составлен совокупностью фактов [4. С. 5]. Факты, находя своё логическое отражение в языке, существуют объективно вне зависимости от знания человека о них. В этом плане предложения языка являются своеобразными моделями возможных в действительности ситуаций: только в таком случае предложение обладает смыслом. Следовательно, если предложение не отображает в своей структуре определённого положения дел в мире, к примеру, когда речь заходит о феноменах этического или мистического характера, нам остаётся лишь констатировать его бессмысленность. Таким образом, согласно ранним представлениям Витгенштейна, смыслом обладает всё, что потенциально может произойти в фактуальном мире и найти своё отображение в логической структуре языка. Но насколько правомерно утверждение, что границы языка соответствуют границам мира?

Витгенштейн заявил: «*Границы моего языка означают границы моего мира*» [Там же. С. 56]. Тем не менее совершенно очевидно, что рассуждения о метафизических сущностях и понятиях, среди которых смысл жизни, представления о Боге, этические ценности и пр., в значительной мере присутствуют на страницах *Дневников* Витгенштейна и фактически завершают его *Трактат*. Однако философ умышленно оставляет их вне досягаемости *осмысленных* высказываний и за границей фактуального мира. Витгенштейн рассуждал: «Верить в Бога – значит понимать, что факты мира – это не всё» [3. С. 127]. Следовательно, существует нечто невыразимое формально-логическим языком. Преимущественно уклоняясь от прямых рассуждений о невыразимом, Витгенштейн утверждает, что оно *показывает* себя, и именует это понятием *мистического* [4. С. 72]. В сущности, разница между тем, что может быть сказано, и тем, что может только показать себя, заложена в основу всего раннего периода философствования Витгенштейна. Иллюстрацией к такому подходу может послужить представление философа о «я» как глубоко мистическом понятии, согласно которому «я» это не тело или душа человека, но некий метафизический субъект: не часть мира, но его граница [3. С. 137]. В рукописях Витгенштейна мы находим подтверждение тому, что подобные трансцендентные сущности некоторым образом связаны с миром фактов. К примеру, этика, изначально не принадлежа миру, входит в него через «я», т.е. проникает сквозь границу. Внимательное изучение ранних материалов Витгенштейна приводит нас к выводу, что традиционные философские проблемы добра и зла, существования Бога и т.д. могут считаться тем, «что образовывало, если и не фон всех размышлений Витгенштейна, то, как минимум, равноправную часть его ранней философии» [5. С. 280]. Это исключает крайне позитивистский подход к трактовке ранних суждений философа о *мистическом* как о попытке очертить границу языка, за которой всё лишено смысла и не заслуживает исследовательского интереса.

Но если любая попытка выйти за границу языка и привести описание реальности, лежащей вне границ мира, обречена на появление лишённых смысла выска-

зываний, то закономерно возникает вопрос: где располагаются невыразимые мистические сущности и каким образом они проявляют себя в мире? В *Трактате* Витгенштейн пишет: «Переживание мира как ограниченного целого – вот что такое мистическое» [4. С. 72]. Исходя из невыразимости средствами языка *мистического*, мы приходим к выводу о невозможности выразить и сам факт существования мира, хотя это и не опровергает его бытийствования. Кроме того, мы лишены возможности рассуждать и о смысле мира как целостной конструкции, так как подобные размышления не доступны для осмысленного высказывания их на формально-логическом языке и, соответственно, принадлежат особой *сфере мистического*. Сам философ в этом отношении однозначно утверждал: «Смысл мира должен находиться вне мира. <...> в нем нет ценности – а если бы она и была, то не имела бы ценности» [Там же. С. 70].

Если обобщить разрозненные витгенштейновские идеи о значении *мистического* феномена для человека, то мы можем составить представление об этом понятии как о смысле жизни, который также невыразим на языке, но включает в себя все ценности. Витгенштейн утверждал: «Высшее не выразить предложениями» [Там же]. Таким образом, все вопросы о смысле жизни, природе добра и зла и пр., традиционно занимающие умы философов на протяжении тысячелетий, были отринуты Витгенштейном в качестве бессмысленных и основанных на «непонимании логики нашего языка» [Там же. С. 3]. Они не могут быть выражены предложениями языка, так как по своей сути не являются логически верным отображением факта в предложении языка, стало быть «...большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь установить их бессмысленность» [Там же. С. 18]. Когда мы не располагаем возможностью дать ответ на вопрос вследствие его бессмысленности, нам лишь остаётся вслед за Витгенштейном согласиться, что это вовсе и не проблема по своей сути. Если мы не можем ничего сказать о проблеме на фактуальном языке, то нам следует хранить о ней *молчание*. Именно в молчании, согласно Витгенштейну, таится ключ к преодолению границы языка. Но перед более подробным рассмотрением данного феномена как способа избежать бессмыслицы, необходимо прояснить, что собой представляет *мысль*.

В отношении бессмыслицы Витгенштейн занимал двойственную позицию. С одной стороны, он был настроен категорически против лишённой смысла болтовни. В биографическом исследовании Рея Монка мы встречаем упоминание о значимости *Исповеди* Св. Августина для Витгенштейна и особо трепетное отношение австрийского философа к цитате из *Книги I*: «Но горе тем, которые молчат о Тебе, ибо и речистые онемели» [6. С. 7]. Позже эта фраза в вольном переводе Витгенштейна стала трансформироваться в: «И горе тем, кто ничего не говорит о Тебе только потому, что пустомели несут околесицу» [7. С. 292] и далее в дискуссиях с представителями Венского кружка она прозвучала как: «Что ты скотина не хочешь молоть чепуху! Скажи хоть чепуху, сойдет!» [8. С. 55]. Подобным

образом Витгенштейн указывал на необходимость сведения к минимуму бесплодной чепухи болтунов. Однако мы видим: философ не отказывался от бессмыслицы полностью. Само желание сказать что-то, что на языке выразить нельзя – это попытка выйти за границу языка. Но возможно ли реализовать такую потребность духовной сферы жизни человека как «говорить бессмыслицу» в действительности? Согласно Витгенштейну, мысль – это «логическая картина факта» [4. С. 10]. Мир, как установлено ранее, составляют факты, изображаемые в логическом пространстве при помощи мысленных картин или *образов*. Из этого утверждения вытекает вопрос: возможно ли поместить мысль за границей языка? Вероятно, подсказку для разгадки поставленного вопроса можно обнаружить в работе финского исследователя Х. Аппелквист, предположившей существование двух видов фактов: «...факты, которые выразимы в осмысленном языке, и факты, которые следует обходить молчанием» [9. Р. 44]. Изначальная убежденность Витгенштейна в том, что *мысль* строго логически соотносится с предложением как моделью ситуации в мире, была поколеблена сомнениями философа в обоснованности собственной изобразительной теории предложений, которую он впоследствии подверг критике в своих поздних рассуждениях. В частности, границы языка были преодолены в пользу молчания [10. Р. 84]. Такой вывод исходит из утверждения, что хотя язык имеет границу, мысль не ограничивается языком.

Доказывая в *Трактате* суждение о наличии границы языка, Витгенштейн ничем не опровергал безграничность мышления. В случае, когда язык утрачивает возможность выразить мысль, она переходит в сферу молчания. В знаменитом седьмом тезисе, завершающем *Трактат*, Витгенштейн заявил: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [4. С. 73]. Монк заметил, что это предложение «выражает и логико-философскую истину, и этическую заповедь. <...> Бессмыслица, которая происходит из-за попытки сказать то, что можно только показать, не только не приемлема, но и этически нежелательна» [7. С. 170]. Преодолеть преграду для мышления, выставленную с одной стороны логикой, а с другой – этикой, позволяет молчание. Молчание, наравне с языком, позволяет мысли выразить себя в полной мере. Витгенштейн настаивал, что гипотетически очертить границу мышления возможно было бы лишь в языке [4. С. 3]. Но для проведения такой границы необходимым условием являлась бы способность мыслить не только на языке, но и по ту сторону границы, т.е. способность «мыслить немислимое». Абсурдность подобного высказывания исключает возможность установления языковой границы мышления. Человек способен мыслить и «по ту сторону» языка, когда мысль пребывает в молчании. Пожалуй, именно молчание становится залогом осмысленного говорения, так как оно обеспечивает необходимое условие мышления за границей языка.

Хайдеггер: *сказ* как выражение трансцендентного

В то время как Витгенштейн постепенно отказался в пользу прагматической концепции языковых игр от

жестких логических рамок применительно к языку, создавших предпосылку для формирования дуалистической картины мира в его ранней философии, в мировоззрении Хайдеггера произошёл противоположный поворот. Представления немецкого мыслителя о мире и его соотношении с языком претерпели значительные изменения с включением в его философскую концепцию мистического феномена, прежде отсутствовавшего в *Бытии и времени* [11]. Вследствие этого мир обретает свою оборотную сторону – *землю* [12. С. 153], а повседневный язык отчётливо обособляется от поэзии, выражающей язык в своём чистом виде. Тем не менее сущностная значимость языка остаётся прежней: он неразрывно связан с бытием и является залогом бытийствования *Dasein'a* в мире. Сущность языка как целостного феномена проистекает из его изначальной взаимосвязи с бытием: «...язык есть язык бытия, как облака – облака в небе» [13. С. 220]. Если рассматривать *Dasein* с позиции человеческого бытия-в-мире, как это было предложено немецким философом и учеником Хайдеггера В. Бимелем [14. Р. 69], то язык по-прежнему является для человека гарантом бытийствования в мире. Хайдеггер утверждал, что «сущность человека покоится в языке. Мы существуем прежде всего в языке и при языке» [15. С. 259]. Согласно знаменитой аллегории немецкого философа: «язык – дом бытия», войти в который человек может лишь будучи лингвистической личностью. В своём раннем философствовании Хайдеггер предполагал, что только через язык человек соприкасается с миром и осуществляет своё здесь-бытие с другими людьми в едином социальном пространстве. При этом язык вовсе не рассматривался с позиции коммуникативного инструмента, скорее это «событие, которое распоряжается высшей возможностью человеческого существования» [16. С. 12]. Язык не являет собой специфической деятельностью человека, именно язык говорит (*Sprache spricht*) через человека, позволяя ему реализовать через *речь* своё бытие.

Однако если в ранних философских представлениях Хайдеггера именно *речь* как ключевой экзистенциал *Dasein'a* позволяла человеку разомкнуть мир и войти в его бытие, то в поздних размышлениях немецкого мыслителя схожую по сущностной значимости позицию занимает *сказ*. В отличие от многих принципиально новых категорий позднего периода интеллектуальной деятельности Хайдеггера, понятие *сказ* встречается в лекциях философа уже в 1926 г. [17. С. 302]. Изначальное этимологическое значение данного слова, характеризующее некое эпическое повествование о выходящем за рамки повседневности событии, просматривается даже после его семантической трансформации вследствие включения в хайдеггеровский терминологический аппарат. Тем не менее данное понятие является одной из наименее используемых категорий философом в его рукописях и публичных выступлениях. Мы можем предположить, что причина, по которой Хайдеггер избегал непосредственно использовать слово *сказ* в своём философствовании, кроется в желании «уберечь его от применения в качестве расхожей рубрики и от подделки в обозначение какого-либо понятия» [15. С. 298]. Сле-

довательно, философ наделяет его особым значением, возвышающим данное понятие над остальным языком. Изначально в немецком языке глагол *sagen* – ‘сказывать’, ‘говорить’ был связан с глаголом *sehen* – ‘видеть’ и применялся в значении «позволить увидеть, показать» [18. Р. 190]. В этом можно провести параллель с витгенштейнианским подходом к проблеме невыразимого: если что-то нельзя сказать на языке, это должно быть *показано*. Но если Витгенштейн преимущественно хранит молчание о том, что не поддаётся формально-логическому языку, то Хайдеггер нашёл решение этой проблемы в обращении к *сказу*. *Сказ*, с точки зрения немецкого философа, своими сущностными характеристиками соответствует поэтическому языку в том плане, что также способен приоткрыть для человека истину вещей, недоступную для выражения средствами повседневного языка. Подобное сопоставление *сказа* и поэзии стало возможным благодаря тому, что они оба выражают себя через поэта. В сущности, поэзия и является *сказом*, она содержит в себе скорее намёки, *показывающие* истинное положение дел, чем прямую отсылку к фактам. Особенно важно отметить при этом, что именно сокрытый язык поэзии говорит через поэта, а не поэт выражает свой жизненный опыт или собственные идеи.

Пожалуй, главенствующая позиция поэтического языка в отношении поэта создаёт наибольшее количество сложностей при интерпретации философской задумки Хайдеггера. Для философа несущественно *кто* создал стихотворное произведение, главное – чтобы оно было выражено *чистым* языком. Такой подход отличается от привычного мировоззрения большинства людей, тем не менее, в нем заложен глубокий онтологический смысл. Хайдеггер не опровергает заслуги поэта в том, что его дар изначально способствует трансформации обыденного языка в поэзию. Тем не менее мастерство поэта, согласно представлениям немецкого философа, состоит преимущественно в том, что стихотворное произведение не утратит своей истинной ценности, если отречётся от имени творца. Следовательно, поэт в сравнении со своей поэмой обладает существенно меньшей значимостью, его жизненный опыт не отражается на восприятии поэзии слушателями, а личные человеческие качества ничем не искажают «чистоты» поэтического языка. Но что же делает поэзию *чистым* языком? Важнейшее качество языка заключается в том, что он «впервые именует сущее, и благодаря такому именованию впервые воплощает сущее в слове и явлении» [19. С. 71]. В процессе *именования* сущего язык реализует свою способность входить в мир и проявить в нём то, что прежде было сокрыто. Таким образом, язык выступает в качестве «просветляющего наброска»: слово языка, именуя какое-либо сущее в мире, «высветляет» его для человека, позволяя увидеть его истинный облик. В этом плане поэзия представляет собой «набрасывающий» *сказ*, способный привнести в мир то, что невозможно выразить на языке повседневности. Преимущество поэзии заключается в том, что «она делает язык непривычным, сверхъестественным или несокрытым, так что мы становимся способ-

ными осознать саму его близость и сущность этой близости. Таким образом, поэтический язык вступает за границы того, что может быть сказано» [20. Р. 193]. Являясь языком в чистом виде, поэзия способна показать *невыразимое* – то, что в философских представлениях Витгенштейна составляло сферу *мистического*, недоступного высказыванию словами фактуального языка.

Поэзия преодолевает границу повседневного языка, позволяя человеку соприкоснуться с истиной. Истина составляет сущность поэзии, поэтому поэтический язык нельзя рассматривать односложно, просто как форму литературного творчества. Хайдеггер никогда не проводил различия между поэзией и прозой как жанрами языка. Философ полагал, что «чистая проза никогда не прозаична. Она поэтична и, следовательно, также редка, как и поэзия» [19. С. 205]. Более того, Хайдеггер полагал, что поэзия – это не что иное, как *праязык* [16. С. 18], который не только стал основой бытия и привнесения его в мир, но и является залогом существования языка вообще. Для обоснования поэзии в качестве *праязыка* Хайдеггер вводит в свой философский категориальный аппарат новое понятие, которое он выразил словом *боги*. В *праязыке* возможно обнаружить следы скрывшихся из современного мира и олицетворяющих собой сокрытую сущность языка *богов*, которых поэзия изначально именovala.

Как уже было отмечено выше, понятие *боги* отсутствует в ранней философии Хайдеггера. Они редко упоминаются и в более поздних его работах. *Боги* непосредственно появляются в философии Хайдеггера лишь под дальнейшим влиянием на его интеллектуальную деятельность творчества немецкого поэта Фридриха Гёльдерлина, для разъяснения которого необходимо обуславливать двойственную взаимозависимость таких категорий как *боги* и *люди*. В рукописях 1936–1938 гг. Хайдеггер говорит о *богах* исходя из своего тяготения к Древней Греции и природе, некогда считавшейся жилищем богов, но теперь уничтожающейся технологией [21. Р. 27]. В то же время он уклоняется от предоставления каких-либо сведений о *богах* или хотя бы намеков о численности их пантеона. Понятие *боги* в его поздней философии тесно связано с его представлениями о человеке. Если бы человек не осознавал, что он обладает особым предназначением и *конечностью* (*Endlichkeit*), а просто воспринимал бы себя как биологическую особь среди таких же подобных ему, то боги ему и вовсе были бы не нужны. Но Хайдеггер настаивает на том, что «люди и боги вместе возникли из бытия (*Sein*), подобно отмели, возникшей между волнами реки» [Ibid. Р. 476]. Рассуждая в своих работах о *богах*, Хайдеггер нигде не оставляет упоминаний об их онтологическом статусе. Он указывает на то, что они умерли вместе с древнегреческими городами-государствами, покровителями которых являлись, хотя поэты способны периодически оживлять их в своих произведениях [18. Р. 82]. Тем не менее люди нуждаются в *богах*, чтобы выжить в современном мире. И только поэзия как чистый язык способна провести связующую нить между богами и людьми через дар поэта, наполнив бытие человека смыслом. Исходя из онтологической сущности поэзии, позволяющей

приоткрыть невыразимую на повседневном языке истину, можно констатировать, что постулируемая Хайдеггером *чистота* поэтического языка заключается не в отдельных словах и образах, но в *сказе* в целом.

Заключение

Граница языка, очерчивающая фактуальный мир, но оставляющая вне досягаемости для средств языкового выражения духовную жизнь человека, стала объектом пристального внимания со стороны Витгенштейна и Хайдеггера. Оба философа в те периоды интеллектуальной деятельности, когда в их философские установки включилось положение о невыразимых трансцендентных сущностях, стремились выявить способы преодолеть границу повседневного обыденного языка, чтобы раскрыть бытие человека во всей его полноте.

Витгенштейн в ранний период философствования разработал оригинальную изобразительную теорию языка, согласно которой факты мира находят своё логическое отображение в предложениях языка как своеобразных моделях действительности. Однако в подобном фактуальном мире не осталось места для *мистического*, так или иначе присутствующего в жизни человека. *Мистическое* является неотъемлемой частью духовной сферы жизни и подразумевает под собой совокупность всех ценностей. Оно невыразимо средствами языка, следовательно, находится вне его границ и лишь *показывает* себя в мире. Согласно Витгенштейну, мы можем лишь молчать об этом,

иначе все наши рассуждения будут бессмысленны. Молчание – это единственный способ преодолеть бессмыслицу и вывести мышление за границу языка.

Хайдеггер в поздний период творчества, подобно раннему Витгенштейну, исходил из дуалистических представлений о мире. Но если Витгенштейн разделял фактуальный мир и сферу невыразимого языком *мистического*, то Хайдеггер обособлял взаимосвязанные понятия «мир» и «земля» на почве творческой деятельности человека. Кроме того, он создал многоуровневую языковую систему: обыденный язык, ограниченный выражением повседневности, был восполнен концепцией «чистого языка», позволяющего приоткрыть истину сущего и *показать* её в поэзии. Равно как и Витгенштейн, немецкий философ полагал, что метафизические сущности и понятия можно лишь *показать*, и осуществить это можно при помощи языка намёков, которые составляют поэзию. Поэтический язык, который по своей природе сродни основывающему бытие *сказу*, показывает скрытую в языке истину и через особый дар поэта приобщает к этой тайне людей.

Таким образом, оба философа приблизились к решению проблемы преодоления границы обыденного языка посредством *показывания* в мире невыразимого на языке. Однако если Витгенштейн обосновал безграничность мышления при помощи молчания, то Хайдеггер продвинулся на шаг дальше, сконструировав принципиально новый языковой уровень, позволяющий если не напрямую выразить неподвластное языку повседневности, то намекнуть подсказку к выявлению истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библихин В.В. Мир. Язык философии. СПб. : Азбука, 2016. 448 с.
2. Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 121–133.
3. Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916 / под общ. ред. В.А. Суровцева. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 415 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. С. 1–74.
5. Витгенштейн Л. Тайные дневники 1914–1916 гг. / предисл. и пер. В.А. Суровцева и И.А. Эннс // Логос, 2004. № 3–4 (43). С. 279–322.
6. Блаженный Августин А. Исповедь. М.: Дар, 2005. 544 с.
7. Монк Р. Людвиг Витгенштейн. Долг гения. М. : Дело, 2018. 624 с.
8. Вайсмани Ф. Людвиг Витгенштейн и Венский кружок // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / пер. с англ., нем. М. : «Дом интеллектуальной книги»; «Прогресс-Традиция», 1998. С. 44–68.
9. Appelqvist H. Why does Wittgenstein say that ethics and aesthetics are one and the same? // Wittgenstein's Tractatus: History and Interpretation. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 40–59.
10. Vlăduțescu Ș. Communication of Silence at Ludwig Wittgenstein: Linguistic Silence // International Letters of Social and Humanistic Sciences, 2014. № 5. P. 81–86.
11. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. М. : Академический проект, 2013. 460 с.
12. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. Михайлова А.В. М. : Академический проект, 2008. 528 с.
13. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие : статьи и выступления / пер. с нем. М. : Республика, 1993. С. 192–220.
14. Biemel W. Poetry and Language in Heidegger // Kockelmans J.J. On Heidegger and Language. Evanston : Northwestern University Press, 1980. 380 p.
15. Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М. : Республика, 1993. С. 273–301.
16. Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Трагль / сост., пер. с нем. и посл. Н. Болдырева. М. : Водолей, 2017. 240 с.
17. Хайдеггер М. К чему поэты? // Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М. : Академический проект; Фонд «Мир», 2010. С. 299–346.
18. Inwood M. A Heidegger Dictionary. Blackwell Philosopher Dictionaries. Hoboken : Wiley, 1999.
19. Heidegger M. Poetry, Language, Thought. N.Y. : Harper Collins, 2001.
20. Gosetti-Ferencei J. The world and image of poetic language: Heidegger and Blanchot // Continental Philosophy Review. 2012. Vol. 45. P. 189–212.
21. Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). Vol. 65 of the Gesamtausgabe. Ed. F.-W. von Herrmann. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1989.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 18 сентября 2019 г.

The study reconstructs approaches to solving the ontological problem of the boundary of language and the world in the philosophy of Ludwig Wittgenstein and Martin Heidegger. These philosophers are the most authoritative thinkers of the twentieth century and their intellectual heritage has greatly influenced the formation and development of modern philosophical science. A comparative analysis of the key philosophical attitudes of both thinkers on the nature of the relationship between language, world and the mystical sphere of human life allows us to establish the basic method to bridge the boundary of formal-logical and everyday languages: it is “showing”. According to the early Wittgenstein and the late Heidegger, “showing” is possible by the phenomenon of silence and by poetry as a pure language, respectively. Despite significant differences in the philosophical attitudes of both thinkers, the results of the comparative analysis of their linguistic and philosophical ideas at opposite stages of intellectual activity allows us to draw profound conclusions. Both philosophers shared the idea of the dualistic nature of the world because of its separation into actual (physical) and mystical (spiritual-metaphysical) components. The problem of the inexpressibility of mystical entities and concepts in everyday language actualizes the search for ways out of this situation when language is not able to reflect the entirety of the world. At an early stage of his intellectual activity, Wittgenstein believed that sentences of language strictly correspond to certain situations in reality while mystical phenomena can only “show” themselves in the world. Since transcendental metaphysical entities are present in one way or another in human life, silence about them has become an exceptional way to avoid meaningless discourse that goes beyond a formal-logical language. Heidegger shared the position according to which the truth of any being can only be “shown” but not expressed in everyday language. However, he took a step forward in comparison with Wittgenstein’s the judgments and revealed a fundamentally new level of “pure” language that is essentially different from the formal-logical and everyday languages. Heidegger proposes poetry as a pure language, which is ontologically close to “saying” (sage). “Saying” is a proto-language laid down as the basis for the substantiation of being. According to Heidegger, only a poetic language, through a special gift of a poet, can bring a person closer to the disclosure of the hidden nature of things and suggest a way to transcendental things that are inexpressible by means of everyday language.

REFERENCES

1. Bibikhin, V.V. (2016) *Mir. Yazyk filosofii* [The World. The Language of Philosophy]. St. Petersburg: Azbuka.
2. Rorty, R. (1991) Wittgenstein, Khaydegger i gipostazirovanie yazyka [Wittgenstein, Heidegger, and the Reification of Language]. Translated from English. In: Motroshilova, N.V. (ed.) *Filosofiya Martina Khaydeggera i sovremennost'* [Martin Heidegger's Philosophy and Modernity]. Moscow: Nauka. pp. 121–133.
3. Wittgenstein, L. (2015) *Dnevnik 1914–1916* [Diaries of 1914–1916]. Translated from English. Moscow: “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiya”.
4. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Pt. 1. Moscow: Gnozis. pp. 1–74.
5. Wittgenstein, L. (2004) *Taynye dnevniki 1914–1916 gg.* [The Secret Diaries of 1914–1916]. Translated from English by V.A. Surovtsev, I.A. Enns. *Logos*. 3–4 (43). pp. 279–322.
6. Augustine. (2005) *Isповед'* [Confessions]. Translated from Latin. Moscow: Dar.
7. Monk, R. (2018) *Lyudvig Vitgenshteyn. Dolg geniya* [Ludwig Wittgenstein. The Duty of Genius]. Translated from English by A. Vasil'eva. Moscow: Delo.
8. Waissmann, F. (1998) *Lyudvig Vitgenshteyn i Venskiy kruzhok* [Ludwig Wittgenstein and the Vienna Circle]. Translated from English. In: Gryaznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitiye (antologiya)* [Analytic Philosophy: Formation and Development (Anthology)]. Translated from English and German. Moscow: “Dom intellektual'noy knigi”; “Progress-Traditsiya”. pp. 44–68.
9. Appelqvist, H. (2013) Why does Wittgenstein say that ethics and aesthetics are one and the same? In: Sullivan, P.M. & Potter, M.D. (eds) *Wittgenstein's Tractatus: History and Interpretation*. Oxford: Oxford University Press. pp. 40–59.
10. Vlăduțescu, S. (2014) Communication of Silence at Ludwig Wittgenstein: Linguistic Silence. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*. 5. pp. 81–86.
11. Heidegger, M. (2013) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskii proekt.
12. Heidegger, M. (2008) *Istok khudozhestvennogo tvoreniya* [The Origin of the Work of Art]. Translated from German by A.V. Mikhaylov. Moscow: Akademicheskii proekt.
13. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 192–220.
14. Biemel, W. (1980) Poetry and Language in Heidegger. In: Kockelmans, J.J. (ed.) *On Heidegger and Language*. Evanston: Northwestern University Press.
15. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 273–301.
16. Heidegger, M. (2017) *O poetakh i poezii: Gel'derlin. Ril'ke. Trakl'* [About Poets and Poetry: Hölderlin. Rilke. Trakl']. Translated from German by N. Boldyrev. Moscow: Vodoley.
17. Heidegger, M. (2010) K chemu poety? [What Are Poets For?]. In: Dugin, A.G. *Martin Khaydegger: filosofiya drugogo Nachala* [Martin Heidegger: The Philosophy of a Different Principle]. Moscow: Akademicheskii proekt; Fond “Mir”. pp. 299–346.
18. Inwood, M. (1999) *A Heidegger Dictionary*. Blackwell Philosopher Dictionaries. Hoboken: Wiley.
19. Heidegger, M. (2001) *Poetry, Language, Thought*. N.Y.: Harper Collins.
20. Gosetti-Ferencei, J. (2012) The World and Image of Poetic Language: Heidegger and Blanchot. *Continental Philosophy Review*. 45. pp. 189–212.
21. Heidegger, M. (1989) Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). In: von Herrmann, F.-W. (ed.) *Gesamtausgabe*. Vol. 65. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.

Received: 18 September 2019